

Лавочник положил весы на стол, бросил на чашу парчовый мешочек и, приглядевшись, произнес:

— Здесь два ляна и четыре цяня.

Лу Яо с облегчением вздохнул. В кармане у него звенело пять медных монет; на покупку как раз хватало, да еще одна оставалась на руках — уже удача. Он отсчитал четыре монеты, выложил их на стол и пододвинул к лавочнику:

— Покупаю.

Выйдя из лавки, он отступил к стене и приоткрыл мешочек. Мелкие, черные семена теснились внутри плотной кучкой. Вид у них был здоровый, да и количество, как он и рассчитывал, оказалось немалым.

Выращивание салата-латука оставалось лишь временным решением, нужным в основном для того, чтобы выиграть спор у Лю Цзымина. Вот когда этот урожай созреет и уйдет с молотка, у него появятся первые свободные деньги. Тогда-то и нужно будет хорошенько раскинуть мозгами, чем засеять поле в следующий раз.

Лу Яо планировал вернуться домой засветло. Не ожидая, что так быстро разживется семенами, он убрал мешочек за пояс. В этот момент последняя медная монета с тихим звоном выскользнула из его ладони и покатилась по пыльной мостовой. Наклонившись, чтобы поднять её, он вспомнил слова Цюэ Чжуиня, сказанные перед самым его уходом.

"Хочется чего-нибудь другого..."

Лу Яо поднял монетку, стер с неё дорожную пыль и огляделся. Среди пестрых вывесок его взгляд зацепился за широкое полотнище, на котором крупными иероглифами было выведено: «Мясной ряд».

Мясо стоило дорого, и на одну-единственную монету он вряд ли мог на что-то рассчитывать. Помявшись посреди бурлящей людской толпы, Лу Яо решительно развернулся и снова шагнул на порог Лавки Качественных Товаров.

Летний зной принес с собой тучи назойливой мошкары. Тело Цюэ Чжуиня всегда оставалось прохладным, так что жара его не беспокоила, но вот вечно зудящие насекомые откровенно раздражали. Они беспрестанно кружили над ухом, досажая унылым писком. Цюэ Чжуинь сидел на каменной скамейке во дворе, лениво перелистывая книгу Лу Яо, но под вечер этот гнус окончательно вывел его из себя, заставив подняться, чтобы уйти в дом.

Спускались сумерки. Небо подернулось сизой дымкой, хотя тьма еще не сгустилась, и в вышине зажглись первые несмелые звезды.

Обладая тонким слухом, Цюэ Чжуинь уловил далекие, спешные шаги. Он сразу понял: это возвращается Лу Яо.

И верно — не прошло и пары минут, как покосившаяся калитка скрипнула. Лу Яо стоял у входа, слегка запыхавшись. Тщательно заперев за собой засов, он направился к дому.

Цюэ Чжуинь лениво посмотрел на него:

— Вернулся?

Лу Яо всё ещё немного запыхался. Он налил чашку воды, пододвинул её собеседнику и начал:

— Спасибо, что присмотрел...

Договорить он не успел. Вместо этого он раскрыл ладонь, на которой лежал крошечный бумажный сверток.

Цюэ Чжуинь замер с чашкой в руках. Скользнув взглядом по его раскрытой ладони, он медленно посмотрел на юношу:

— Что это?

Лу Яо, бежавший всю дорогу от тракта, успел изрядно вспотеть. Он с трудом сглотнул, облизнул пересохшие губы и тихо ответил:

— Тебе.

Бумажный кулечек был настолько крошечным, что едва закрывал середину ладони. Приподняв бровь, Цюэ Чжуинь не стал расспрашивать дальше. Он аккуратно подцепил сверток длинными пальцами, переложил к себе и развернул грубую коричневую бумагу. Внутри лежали ровно три кусочка вяленого мяса.

Цюэ Чжуинь перестал улыбаться. Он молча разглядывал жесткие темные ломтики и лишь спустя мгновение негромко спросил:

— Это... мне?

Заметив, что гость не кривится от брезгливости, Лу Яо с облегчением опустил на табурет. Он

сделал глубокий глоток из собственной чашки, остужая горячее горло, и принялся объяснять:

— Ты ведь утром говорил, что хочешь мяса. Но за петуха мне дали всего пять монет. Четыре ушло на семена салата, так что осталось совсем ничего. Хватило только на это.

Глядя, как этот человек с самым серьезным видом загибает пальцы, подсчитывая грошовые траты ради его прихоти, Цюэ Чжуинь почувствовал, как сердце на мгновение пропустило удар.

В мире демонов он с пеленок купался в роскоши и изысканных яствах, давно пресытившись любыми деликатесами. Подобная сухая, жесткая говядина в прежние времена даже близко не удостоилась бы его взгляда. К тому же утренние слова были обычной шуткой. Если бы он действительно проголодался, то нашел бы сотню способов раздобыть пиршественный стол без всяких жалоб.

Цюэ Чжуинь невольно подумал, что Лу Яо непроходимо глуп. Если принимать близко к сердцу каждое брошенное мимоходом слово, то недолго и умом повредиться от вечной заботы.

Но, вскинув взгляд на юношу, он увидел его глаза — ясные, полные робкого ожидания. Сердце потеплело. Он тихо рассмеялся и снова прикрыл бумажные края:

— Не думал, что мой маленький спаситель так близко к сердцу примет мои слова. И что же мне теперь делать? — Цюэ Чжуинь оперся подбородком на ладонь и подался вперед, сокращая расстояние между ними. Голос его звучал вкрадчиво, так что сложно было угадать, шутит он или говорит серьезно: — Я ведь и правда тронут.

Лу Яо смутился. Три крошечных кусочка, которые и распробовать-то толком нельзя — нашел из-за чего разводить драму. Он снова пригубил воды и, поджав губы, пообещал:

— Дальше будет больше.

Но, заметив, что демон не торопится пробовать угощение, он нахмурился:

— Тебе не нравится? Почему не ешь?

Цюэ Чжуинь откинулся назад, возвращаясь к своему привычному расслабленному виду. Он лишь загадочно улыбнулся, прищулив глаза:

— Уже ем.

Мясо выглядело сухим как подошва. Раньше он бы к нему и не прикоснулся, но сейчас в груди шевельнулось странное, необъяснимое желание распробовать этот невзрачный гостинец. Он поднес ломтик к губам и аккуратно откусил кусочек. Волокна поддались с тихим усилием.

Лу Яо ощутил тихое, почти детское удовлетворение — чувство, знакомое бедняку, который наконец-то смог побаловать лакомством своего прирученного зверя. Ему безумно хотелось проследить за каждым его движением, но пялиться на жующего человека было верхом невоспитанности. Поэтому он лишь украдкой косился в его сторону.

Кожа на руках Цюэ Чжуиня была матово-белой, почти прозрачной, и темное вяленое мясо в его длинных пальцах казалось еще чернее.

Почувствовав на себе вороватый взгляд Лу Яо, Цюэ Чжуинь мгновенно решил подыграть своему коварному нраву. Он медленно отвел руку от лица, кончиком алого языка неторопливо облизал губы и лукаво посмотрел на юношу янтарными глазами.

Лу Яо оторопел. Поймав этот нарочито чувственный жест, он испуганно отпрянул и поспешно отвернулся.

Добившись своего, Цюэ Чжуинь довольно зажмурился, быстро дожевал остатки и вкрадчиво поинтересовался:

— Что же ты отвернулся, мой спаситель?

Лу Яо беззвучно приоткрыл рот, не зная, что ответить. В самом деле, почему он так смутился? Демон ведь просто облизал губы — самое обычное дело.

Помолчав несколько секунд, он резко поднялся из-за стола:

— Пойду умоюсь.

Дождавшись, пока за спиной захлопнется дверь, Цюэ Чжуинь тихо, но искренне рассмеялся. Посмотрев на оставшиеся в бумаге два кусочка, он бережно завернул их обратно, разглаживая пальцами складки.

На следующее утро Лу Яо поднялся задолго до рассвета. Пока небо еще оставалось темно-серым, он успел высадить семена в подготовленную почву, прибрал инструмент и встал у края водоотводного желоба в ожидании гостей. Прошло совсем немного времени, и на тропинке появился Лю Цзымин, за которым тянулась целая толпа зевак.

У крестьян и без того хватало забот с рассвета до заката, но любопытство взяло верх: всем не терпелось своими глазами увидеть диковинный желоб, а заодно и поглазеть на то, как Лю Цзымин будет в очередной раз изводить сироту Лу.

— Ишь, спозаранку на ногах, — недовольно буркнул Лю Цзымин, завидев юношу у воды.

Лу Яо пропустил язвительный тон мимо ушей и спокойно кивнул:

— Ты тоже не опоздал.

Лю Цзымин закатил глаза и грубо отмахнулся:

— Меньше слов. Отойди-ка, дай мне взглянуть на эту твою канаву, да отпустим людей по домам.

Не став спорить, Лу Яо отступил в сторону, полностью открывая доступ к оголовку канала, и сделал приглашающий жест:

— Прошу.

Лю Цзымин, подбоченясь, уверенно шагнул вперед. Однако стоило ему наклониться и разглядеть установленный на трубе маховик, напоминающий колесо со спицами, как лицо его вытянулось.

Заметив, как тот замялся, Лу Яо участливо поинтересовался из-за его спины:

— Какая-то трудность?

Толпа обступила их плотным кольцом. Деревенские жители, никогда не видевшие подобных приспособлений, во все глаза смотрели на Лю Цзымина, ожидая, когда же хлынет вода.

На самом деле Лу Яо еще на рассвете сходил к реке и перекрыл водяной насос, пустив всю воду на полив. Сейчас желоб стоял сухим, так что даже если бы вентиль повернули, вода бы все равно не пошла. В некотором смысле это было лукавством, но Лю Цзымин сам искал ссоры, и проучить его стоило сейчас — иначе этот крикун никогда не оставит его в покое.

Десятки выжидающих взглядов упирались Лю Цзымину в лопатки, прожигая насквозь. На лбу у него выступила испарина. Он долго гипнотизировал взглядом маховик, после чего неловко присел и попытался повернуть колесо. Чугунный вентиль сидел намертво; с первого раза сдвинуть его не удалось. Боясь обернуться к толпе, Лю Цзымин налег всем весом во второй раз. На сей раз металл со скрежетом поддался, провернувшись на пол-оборота, но в желобе не появилось ни капли.

В толпе недоуменно перешепнулись:

— И где же вода?

Лу Яо молчал, наблюдая за тем, как шея Лю Цзымина наливается густой краской. Тот судорожно сглотнул, отнял ладони от железа и, пытаясь скрыть растерянность, гаркнул на односельчан:

— Чего раскудахтались? Сами попробуйте, раз такие умные!

Замечание подействовало — гомон приутих. Лю Цзымин вновь склонился над вентиляем. Он вытянул шею, заглядывая в темное нутро трубы, но ничего там не разобрал. Тогда он ухватился за обод и с силой крутанул его в обратную сторону. Деталь протяжно заскрежетала, сердце в груди мужчины забило чаще от волнения, но чуда не случилось — сухость в желобе осталась прежней.

Шепотки за его спиной слились в один сплошной гул, больно бьющий по самолюбию. Сплюнув на землю, Лю Цзымин в ярости огляделся, поднял увесистый булыжник и замахнулся, намереваясь разбить проклятый маховик.

Лу Яо мгновенно перехватил его запястье. Его пальцы сжались крепко, он нахмурился:

— Не умеешь пользоваться — так и скажи, но ломать чужую работу я тебе не позволю.

Лю Цзымин не ожидал от этого щуплого юноши такой хватки. Встретившись глазами с десятком притихших односельчан, он окончательно рассвирепел, с силой вырвал руку и отшвырнул камень прочь:

— Да эта дрянь у тебя сломана! Ты нарочно подсунил мне негодную рухлядь, чтобы выставить дураком!

Убедившись, что вентиль цел, Лу Яо спокойно выпрямился. Он посмотрел на багрового от злости зачинщика ссоры и ровным, но твердым голосом произнес:

— Мы спорили при всех, и свидетелей здесь предостаточно, — он обвел взглядом притихших крестьян. — Раз ты не смог совладать с механизмом, умей признать поражение.

— Подумаешь, — Лю Цзымин упрямо вздернул подбородок, хотя голос его заметно упал, а краска стыда залила даже уши. — Сдалась мне эта железяка. Не больно-то и хотелось.

— А ведь штука и впрямь диковинная, — протянул один из стоявших рядом мужиков. Видя, как бесславно отступил Лю Цзымин, он робко подошел ближе и спросил, почесывая затылок: — Слушай, Лу Яо, а ты сам-то умеешь с ней управляться?

Лу Яо мягко улыбнулся и кивнул:

— Конечно.

Крестьяне удивленно переглянулись и тут же начали тесниться к юноше, засыпая его вопросами. Оказавшись на самой обочине всеобщего внимания, Лю Цзымин смерил Лу Яо полным ненависти взглядом, со злостью топнул ногой, подняв облако дорожной пыли, и поспешил прочь.

<http://bllate.org/book/18171/1752215>